

РЕВЮ

премьера

за здорово

«Здравствуй, ночь»
Марко Беллоккьо
выходит в России

умрешь

Фильм-скандал 2003 года, превосходимый итальянцами, но вопреки прогнозам не получивший главный приз на фестивале в Венеции, «Здравствуй, ночь» станет первой с советских времен картиной выдающегося режиссера Марко Беллоккьо в отечественном прокате. Уже это одно — достаточный повод ее не пропустить.

АНТОН ДОЛИН

«Здравствуй, ночь» — фильм, интрига вокруг которого способна заслонить и оттеснить на второй план собственно художественные достоинства (а также недостатки). Для русских это прежде всего тот фильм, который в Венеции-2003 был главным конкурентом «Возвращения» Андрея Звягинцева в сражении за «Золотого льва». Конкурентом проигравшим. Беллоккьо, которого наградили призом за сценарий, даже не приехал его получить — настолько оскорбился. После прошедшей при полном аншлаге премьеры (само собой, ведь итальянской прессы на фестивале больше, чем любой другой) критики предрекали Беллоккьо оглушительный триумф... и просчитались. Последствия не вполне ожидаемого решения президента жюри, пожилого итальянского комедиографа Марио Моничелли, оказались значительными. Главное из них — увольнение с поста директора Венецианского фестиваля выдающегося организатора Морица де Хадельна и назначение более «италоориентированного» Марко Мюллера. Говорят, кабинет министров и лично Берлускони после вердикта Моничелли были встревожены не на шутку — как же так, не наградить национального героя! — и решили подстраховаться наперед.

Все это тем более комично, что Беллоккьо, как абсолютное большинство итальянских кинодеятелей, по убеждениям левый и Берлускони с его правительством на дух не переносят. А фильм его — традиционно гуманистическое исследование политического кризиса, наступившего в Италии в 1978 году, когда террористы из «Красных бригад» похитили и убили экс-премьер-министра (а также вероятного кандидата на пост президента) Альдо Моро. Но вернемся к последствиям венецианского распада. Он привел к изменению ситуации в российском кино (молодым у нас внезапно стала «езде дорога») и к тому, что к русской молодежи на других фестивалях стали относиться, как к бомбе замедленного действия: ни Берлин, ни Канн в конкурс нас не пригласили. Тем любопытней, осмелится ли на этот рискованный шаг сменщик де Хадельна, синьор Мюллер. Зато уже сейчас отечественные крайне левые и ультралиберальные критики, которым фильм Звягинцева кажется компромиссной уступкой западному фестивальному вкусу,

вовсю превозносят «Здравствуй, ночь»; так сказать, «от противного». Тут уж в расчет не берется вопиющая старомодность лиро-эпического творения престарелого мастера, когда-то в 1960-70-х свергавшего авторитеты своими культовыми картинами «Кулаки в кармане» и «Во имя отца».

Центральный конфликт в картине — вполне классицистический. Главная героиня, привлекательная террористка, тяжело переживает решение братьев-революционеров сперва похитить, а затем убить усталого, добродушного и явно неглупого старика, коим представляется Альдо Моро. Наверное, с итальянской точки зрения те обвинения, которые Беллоккьо бросает в адрес соратников украденного политика, кажутся жутко смелыми: по мнению режиссера, именно бездействие властей привело к гибели Моро. Однако остальному человечеству, подзабывшему о «Красных бригадах» и переживающему куда более беспокойный период в истории, чем пресловутые 1970-е, до того давнего случая дела нет. Как и до вышедшей из моды — хотя по-прежнему сверхатлантической — музыки группы Pink Floyd, фрагменты из альбома которой «Wish You Were Here» (1975) обильно используются в фильме. Даже остроумный катарсический финал, в котором освобожденный (лишь во сне героини) пленник идет по пустынным городским улицам, не спасает фильм от главных минусов — тяжелой драматургии и политизированности.

Тут впрочем еще раз вернуться собственно от картины — к контексту. В 1999-м Беллоккьо снял по рассказу Пиранделло другой старомодный и заунывный фильм, «Кормилицу», которая вполне подходила на роль откровения ММКФ (там же Беллоккьо как ветерану вручили приз за вклад в кинематограф). Ту картину у нас выпустили на видео. «Здравствуй, ночь» — в пике Звягинцева, что ли? — и вовсе в кино. А по-настоящему выдающуюся и оригинальную работу, сделанную Беллоккьо между этими двумя, «Час религии (Улыбка моей матери)» с замечательным актером Серджио Кастеллитто в главной роли, в России не показали ни разу — ни на фестивале, ни по телевизору, ни на видео. Где она, справедливость? Видимо, ее не существует, как догадался еще четверть века назад в темнице несчастный, обреченный Альдо Моро.

«разными дорогами можно прийти к вершине одной и той же горы»

Марко Беллоккьо — Газете

Завтра на российские экраны выходит — впервые с советских времен — новый фильм классика итальянского кино Марко Беллоккьо. «Здравствуй, ночь» рассказывает о похищении экс-премьера Италии Альдо Моро террористами из «Красных бригад» в 1978 году. Этот фильм был удостоен на фестивале в Венеции-2003 специального приза за лучший сценарий. Накануне московской премьеры специально для Газеты итальянский критик Паоло Перроне взял интервью у Марко Беллоккьо.

Что стало отправной точкой для замысла этой картины?

В Италии историю похищения и убийства Альдо Моро знает каждый. Поэтому мне хотелось прежде всего отыскать иной угол зрения, показать те события с неожиданной стороны. Меня вдохновила книга «Пленник», написанная тюремщицей Альдо Моро — Анной Лаурой Брагетти, впрочем, и некоторые другие книги тоже. Погружаясь в толщу разнообразных текстов, я все сильнее ощущал желание рассказать этот сюжет по-другому, по-своему. Теперь я понимаю, что не мог иначе рассказать эту историю, эту трагедию, которая так сильно повлияла, разумеется негативно, на нашу страну. Но мой фильм — не об этом влиянии. В «Здравствуй, ночь» есть и реальные факты, однако я хотел при помощи «дела Моро» поговорить о чем-то большем.

А именно?

Анна Лаура Брагетти в своей книге постоянно упрекает себя за то, что ничего не сделала и даже не сказала, чтобы спасти жизнь Альдо Моро. С другой стороны, нельзя забывать, что она, осознав свою неправоту, продолжала состоять в террористической группировке «Красных бригад» и была повинна в гибели других людей. Но это слепое повиновение фанатической утопии обсуждалось еще в 1978 году. И, быть может, именно тогда во мне родилось подсознательное желание поведать в свободной форме историю заключения Моро в доме террористов. Я хотел начать с первой ночи, когда Кыра смотрит на Моро, заснувшего в своей камере, потом смотрит на своих товарищей — их тоже

сморил сон, — и вдруг ее энтузиазм куда-то испаряется. Уже позже участие в этом предприятии станет для нее буквально нестерпимым...

Это и помогло вам придумать «второй финал», в котором Альдо Моро остается в живых?

Именно. Один из двух финалов объективен — увя, именно так все случилось в реальности. Второй я бы не назвал утопическим или сновидческим; он попросту альтернативный. Будто другая возможность развития событий, которую я хотел предложить публике.

Откуда пришло название «Здравствуй, ночь»?

Из стихотворения Эмили Дикинсон, которое я читал много лет тому назад. По правде говоря, стихотворение называлось «Здравствуй, полночь» (в оригинале стихотворение называется «Good Morning — Midnight», то есть «Доброе утро, полночь». — Газета), и мне запомнилось странное противоречие между двумя словами, которое сразу соотносилось в сознании с сумрачной атмосферой эпохи 1970-х. Сегодня кажется, что настал день, но почему-то ощущение ночи никуда не исчезло.

В вашем фильме вы пытаетесь дать портреты убийц Альдо Моро, показав их как обычных людей...

Эти террористы были слепцами и фанатиками, неспособными здраво оценивать реальность, и та политика, которую они пропагандировали, не имела никакого отношения к реальной жизни. В том, как они

хотели изменить мир, было что-то патологическое. Но поверьте, в «Здравствуй, ночь» я не хотел становиться в позу моралиста. Многие из террористов бросили вооруженное сопротивление и раскаялись... Сегодняшняя ситуация в обществе еще сложнее, чем в те годы, и анализ 1970-х только запутывает нас. Нельзя забывать, что и в те годы в Италии было немало несогласных с политикой государства, которые не поддерживали и деятельность «Красных бригад».

Реальные факты «дела Моро» задавали границы вашему воображению?

Да, конечно. Эти границы различимы в тех фрагментах из телехроники, которые я использовал в фильме. Например, кадры похорон Моро в Риме, показывающие пустые и усталые лица итальянских политиков. Я не хотел сказать, что каждый из них виноват в смерти Моро, но, безусловно, все они продемонстрировали свое бессилие, неспособность быстро среагировать и изменить ситуацию, спасти человека. Впрочем, эта тема неотвратимости судьбы меня не слишком интересовала, да и не хотел я в эпилоге к фильму кого-то утешать. Просто у меня не получалось стереть из памяти эти кадры, увиденные когда-то по телевизору. Поэтому я и решил напомнить публике о том, в каком направлении развивалась история нашей страны.

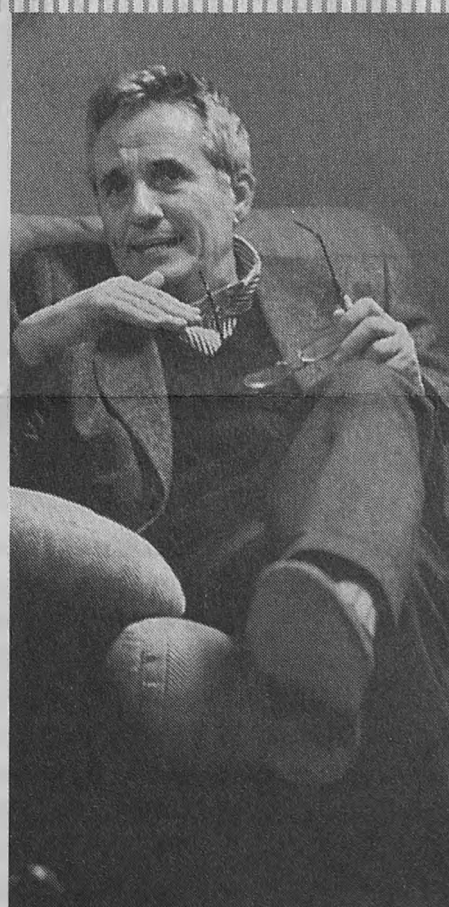
Почему вы решили использовать в фильме музыку Pink Floyd — фрагменты из самой, наверное, знаменитой их песни «Shine on you crazy diamonds»? Трудно ли было выкупить права на нее?

Не труднее, чем на любую другую музыку. По правде говоря, в середине 1970-х, когда эта музыка была написана, я ее вовсе не знал. Я услышал ее впервые примерно десять лет спустя и тут же полюбил. Мне она казалась ностальгической и таинственной — что-то между реальностью и сновидением. Еще до начала съемок «Здравствуй, ночь» я решил использовать ее в фильме, потому что эта песня идеально воссоздавала то темное и двойственное ощущение, которое должна была вызывать в сознании зрителя эта картина.

Ваш предыдущий фильм «Час религии» был показан на Каннском фестивале и получил весьма положительную критику, а затем — немалый успех в Италии. В «Здравствуй, ночь» вы вновь принимаетесь за необычную и противоречивую тему...

Вы правы. Однако «Час религии» не был фильмом, направленным против Церкви и католического мировоззрения в целом, как посчитали многие мои обвинители, скорее — фильмом о лицемерии современного общества и о поиске гармонии с самим собой. Лично я верю исключительно в человека! В центре «Часа религии» — рационализация веры и право личности поставить под сомнение любую догму.

С другой стороны, «Час религии» не был абсолютно реалистическим фильмом. Согласен, но не был он и сюрреалистическим. Я показывал окружение Папы Римского, кардиналов, других чиновников из Ватикана. А главным герой, роль которого блестяще исполнил Серджио Кастеллит-

Марко Беллоккьо: «Лично я верю исключительно в человека!»

то, хотел чувствовать себя свободным, чтобы самостоятельно прийти к каким-либо выводам о прошлом, о судьбе своей матери и о собственном будущем. Это вечная тема, куда более важная, чем обсуждение проблем церковной иерархии.

В основе всех самых значительных фильмов вашей карьеры — бунт против властей и авторитетов...

Это так. В моем полнометражном дебюте, фильме 1965 года «Кулаки в карманах», главный герой находился внутри замкнутой

системы и все равно решался изменить свою жизнь. Не будучи в состоянии вырваться за пределы семейной тюрьмы, он решался на бунт. В других фильмах, к примеру в «Часе религии», «Принце Гомбургском» или «Кормилице», бунт, революция, происходит независимо от персонажей. Но мои герои всегда были людьми, которые не могут согласиться с выбором, сделанным серым большинством. Мои герои — люди не средние.

В 1980-х годах вы впервые обратились к психологическому, иногда даже «психиатрическому» кинематографу. Это помогло вам обновить ваш стиль?

Этот опыт остался со мной до сих пор. Моя глубокая связь с психиатрией помогла изменить эмоциональный фон моих картин. Поэтому я не соглашусь с теми, кто считает мое творчество неизменным с середины 1960-х и до сих пор. Такие фильмы, как «Дьявол во плоти», научили меня, что разными дорогами можно прийти к вершине одной и той же горы. Поэтому я убежден, что не мог бы сделать «Здравствуй, ночь» по-иному. Может, мой метод выдает романтизм и даже идеализм. Но у каждого режисера есть свой стиль. Это — мой стиль.

газета

с кулаками в карманах

Марко Беллоккьо родился 9 ноября 1939 года в Пьяченце, в Италии. Учился в Милане, Риме и Лондоне, колебался между карьерами актера (он даже успел сыграть в «Франциско Ассизском» Лилианы Кавани) и режиссера, однако в итоге выбрал вторую. Его дебютный фильм «Кулаки в кармане» (1965) стал заметным событием, и Беллоккьо немедленно записали в «крайне левые» (впрочем, таковым живой классик считается до сих пор). Нравнодушный к политике режиссер — самый деятельный из итальянских «классиков». Автор двадцати пяти фильмов, среди которых «Во имя отца» (1972), «Прыжок в пустоту» (1980), «Дьявол во плоти» (1986), Лауреат наград в Локарно, Венеции и Берлине, а также в Москве.